

из среды черного волостного населения русского Севера», где крестьяне больше всего страдали от феодального землевладения монастырей. «Беседа», по мнению И. И. Смирнова, «первый в древнерусской публицистике литературный памятник, выражающий интересы северного крестьянства».⁴⁹

Вывод этот вызывает серьезные сомнения. Говоря о крестьянском характере «Беседы», И. И. Смирнов специально отмечает, что он имеет в виду не установление «личности автора этого анонимного произведения», а выяснение «тех социальных кругов, из среды которых вышла „Беседа“». Речь идет, следовательно, не о том, кто был автор «Беседы» и из каких областей он происходил, а о его социальном лице. Но отражает ли «Беседа Валаамских чудотворцев» идеологию крестьянства как класса? И. И. Смирнов отмечает, что автор «Беседы» выступал сторонником феодальных «властей» — «царей», правящих «с князи и бояры и с прочими с миряны», и что при этом он спорил с противниками «властей». По вполне вероятному предположению И. И. Смирнова, взгляды, с которыми спорил автор «Беседы», — это учение Феодосия Косого, холопа-еретика, наиболее радикального русского мыслителя XVI в.⁵⁰ Но тогда становится странной мысль о крестьянской идеологии «Беседы». Конечно, не всякий крестьянин XVI в. разделял радикальные воззрения Феодосия Косого; но значит ли это, что борьба с этими воззрениями и защита идеи «властей» отражала классовые интересы крестьянства XVI в., пусть даже черного крестьянства русского Севера? Была ли враждебность к монастырскому землевладению специфической чертой идеологии северного крестьянства? Отражала ли такая враждебность его основные социальные стремления?

Оценка «Беседы Валаамских чудотворцев», данная И. И. Смирновым, вызвала возражения среди ряда авторов. Весьма убедительно возражал И. И. Смирнову, например, И. У. Будовниц, указавший, что при построении И. И. Смирнова остается непонятным, почему в «Беседе» «цари должны так крепко советоваться „с бояры и с ближними приятели“ и почему только там в мире может быть царю милость, где власть находится в руках царских воевод? Неужели в Новгородской области и на Севере царские воеводы зарекомендовали себя такими яркими защитниками земских интересов? Некоторые выданные северным уездам уставные грамоты в мотивировочной части говорят об обратном».⁵¹

Отвергнув характеристику «Валаамской беседы» как памятника идеологии крестьянства, И. У. Будовниц со своей стороны назвал двух крестьянских идеологов среди писателей XV—XVI вв. — Нила Сорского и Ермолая-Еразма. Возражая авторам, считавшим Нила Сорского (как провозвестника нестяжательства) идеологом боярства,⁵² И. У. Будовниц пи-

⁴⁹ И. И. Смирнов. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI века — Исторические записки, т. 15. М.—Л., 1945, стр. 257—258.

⁵⁰ Там же, стр. 251.

⁵¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 250—251.

⁵² Вопрос о социальной принадлежности Нила Сорского занимал уже В. А. Келтуялу. Отвергая буквальное понимание самохарактеристики Нила как «поселянина», В. А. Келтуяла дал чрезвычайно любопытное и характерное для него «доказательство» боярского происхождения Нила. Он проводил параллель между Нилом и «великим старцем» нового времени — Л. Н. Толстым; оба они знатоки религиозно-нравственной литературы, оба, по мнению В. А. Келтуялы, скептически относились к чудесам, оба сторонники внутреннего самосовершенствования, знатоки человеческой души, противники крупного землевладения; Нил предлагал инокам-аристократам жить собственным трудом, Толстой то же предлагал дворянам; оба скрывали свое аристократическое происхождение и просили похоронить себя без почестей. «Это сходство, — по мнению В. А. Келтуялы, — является новым косвенным доказательством, что Нил — такой же боярин, как Лев Толстой» (В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы,